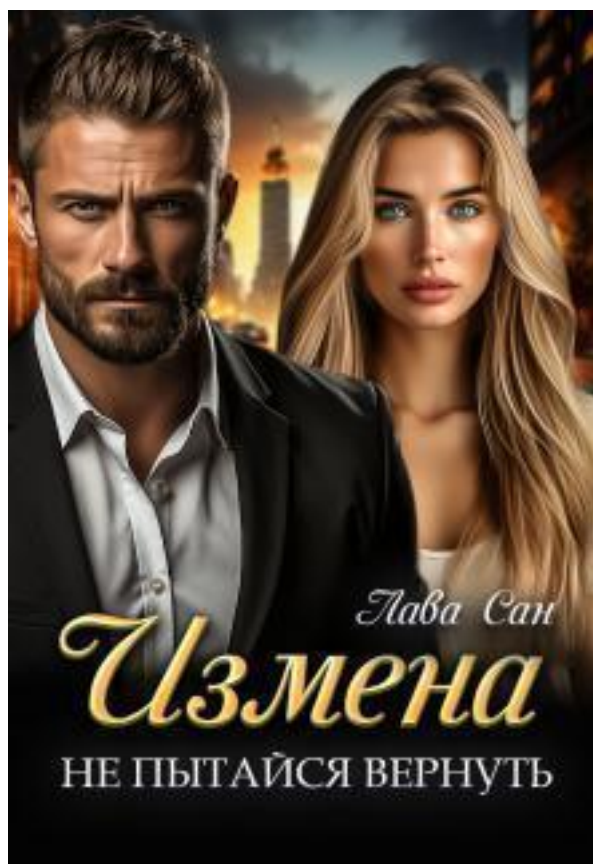

Лава Сан

Измена. Не пытайся вернуть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=74212682

Аннотация

♥Эксклюзив♥ Фея домашнего очага. Милая моя феечка... Так называл меня муж, когда мы были вместе. А оказалось, что у него есть еще и фея для постели.

Мне пришлось начинать новую жизнь с чужими людьми, когда любимый Ромка выкинул меня за дверь без вещей и денег... Зато с разбитой банкой соленых огурцов и мусорным пакетом в придачу.

♥ХЭ обязательно♥

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	24
Глава 5	29
Глава 6	36
Глава 7	42
Глава 8	49
Глава 9	56
Глава 10	63
Глава 11	70
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1

Мои бедра двигались в такт счету:

– Раз, два, три, четыре... Вправо-влево и волна.

Зеркало грузового лифта отражало страстные движения моего тела, которые возбуждают и заведут моего мужа на всю ночь.

– Раз, два, три, четыре...

Плавные покачивания бедер, ритмичные движения плеч и создание возбуждающей волны мышцами живота, были практически не видны под длинным толстым пуховиком, который голубым теплым одеялом окутывал мое тело промозглым мартовским вечером. Только руки в отражении большого зеркала выделяли в воздухе заковыристые вензеля элементов восточного танца.

– Раз, два, три, четыре... Раз, два, три, четыре...

Я не обращала внимания на серые стены лифта, с облезшей местами краской; на непонятные каракули подростковых граффити, что черными и красными маркерами разрисовала когда-то чистые панели местная шпана; на пару обгоревших кнопок... Все это не способствовало романтическому настрою, но было настолько обыденно и привычно, что я давно перестала все это видеть.

Хорошо, что несколько лет назад под лестницей обустроили каморку для консьержки и стали скидываться на ее опла-

ту. Две пенсионерки из нашего подъезда начали нести вахту, и безобразия прекратились. Даже навязчивый запах мочи исчез...

В моем воображении я исполняла танец живота на нашу с Ромой трехлетнюю годовщину свадьбы. В моих мечтах все было так: я приготовлю вкусный ужин, на который, возможно, приглашу свою лучшую подругу Ларису... А может, это будет только наш с Ромочкой вечер. На столе будут гореть высокие ароматические свечи, от которых по всей квартире возбуждающим облаком расплывется запах мускателя – возбуждающий букет из масла виноградных косточек, с добавлением экстракта земляники, ежевики и фейхоа... У меня от этого аромата исключительно романтические мысли просыпаются.

А еще я достану из ящика с новогодними игрушками гирлянду-дождик и натяну ее вдоль окна в зале. Кроме свечей и этих светодиодов другого освещения не понадобится, чтобы Рома рассмотрел мой костюм из голубого шифона с черным бархатом и множеством нашитых блестящих монеток, мелодично звенящих, когда я ритмично трясу грудью и ягодицами под ускоряющуюся музыку. Я на этот костюм полгода копила. С каждой суммы, что муж выделял на ведение хозяйства, я откладывала понемногу и прятала.

Мне, конечно, хотелось новый телефон, вместо того, что был сейчас у меня – четырехлетний ветеран бытовых войн со сдыхающим аккумулятором и покрытым трещинами экра-

ном, но Рома говорил:

– Перед кем собралась новым мобильником хвастаться? Целыми днями дома сидишь.

Так что, обновление телефона откладывалось на неопределенный срок, а вот эротичный костюмчик для восточного танца я заказала у знакомой портнихи. В нем я была очень похожа на принцессу Жасмин из мультфильма про Алладина и волшебного Джинна. Только блондинку.

Лифт неспешно полз вверх, а я в одеяле голубого пуховика повторяла заученные движения из интернета:

– Раз, два, три, четыре... Вправо-влево и волна.

Большая хозяйственная сумка на колесиках стояла рядом. Сегодня утром я поехала в Конаково, навестить тетушку, и сказала Роме, что вернусь завтра вечером. Но оказалось, что тетя вечерним поездом отправляется на юбилей к подруге в Питер. Вышло, конечно, неудобно... Да и я виновата – заявила без предупреждения. В качестве извинения за отсутствие гостеприимства, тетя нагрузила меня набором домашних заготовок, а для удобства выдала свою «рыночную» сумку, с которой она ходила запасаться продуктами на местный базар по воскресеньям.

Я села на шестичасовую электричку и через три часа уже была дома, в Москве. Пока добралась с вокзала, время подошло к десяти вечера. Предупредить Рому, что я не остаюсь ночевать в Конаково, я не смогла, мой мобильник сел еще днем.

Консьержка – баба Нина, что сидела в светлой каморке на первом этаже под лестницей, только бросила на меня беглый взгляд, кивнула и вернулась к просмотру сериала. Я вызвала лифт, ожидая, что мой Ромашка очень обрадуется неожиданному возвращению любимой жены. Хотя сюрпризы ему не очень нравятся.

Я двигалась перед зеркалом лифта, продолжая оттачивать страстные движения:

– Раз, два, три, четыре... Вправо-влево, волна. Раз, два, три, четыре...

На своем этаже я вышла на площадку, выкатила тяжелую сумку и остановилась перед дверью в тамбур. Решила привести себя в порядок. Достала из черной сумочки, красиво пошитой из кожаменителя китайскими мастерами зеркальце и расческу, стянула с головы голубую вязаную шапочку, сунула ее в карман и начала расчесывать волосы. Они были у меня красивые – натуральный блонд, густые и гладкие.

Я улыбнулась своему отражению: голубые глаза в зеркале улыбнулись мне в ответ, а темные брови игриво приподнялись вверх... Когда мы только познакомились, Рома часто повторял:

– Ты моя сказочная феечка! Самая красивая на свете.

А потом я превратилась в феечку домашнего очага. Так он захотел. Послезавтра нашей семье исполнится три года, а позже я снова подниму вопрос о ребенке.

Я открыла дверь тамбура: соседский велосипед традици-

онно перегораживал половину коридора, у второй двери стояли баклажки с незамерзайкой, а возле нашего коврика красовался мусорный пакет. Рома не любил выносить мусор по вечерам и выставлял его за дверь, чтобы захватить утром, по пути на работу. Ничего необычного.

Осторожно вставив ключ в замочную скважину, тихонько провернула его. Вдруг Ромочка перед телевизором задремал, а тут я с гротом ввалюсь. Он заругается. Он всегда раздражается, когда я мешаю ему отдыхать.

Сумку я не стала сразу закатывать в квартиру, а сначала прислушалась.

В спальне играла музыка. Что-то попсовое, что постоянно навязывают нам радио и телевидение, что ежедневно звучит из каждого утюга.

Помимо музыки, были еще звуки. Ритмичные. Идеально подходящие под счет:

– Раз, два, три, четыре...

Только звучали они как: «Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп...»

Я потрясенно замерла и оглядела прихожую. Кроме вещей Ромы тут были еще и чужие – женские. Знакомые сапоги на высоком каблуке с золочеными пряжками сбоку, знакомая зимняя кожаная куртка с шикарным воротником из меха енота и брендовая сумочка, о которой я только могла мечтать.

Из спальни донесся знакомый женский голос:

– О да! Ромчик... Быстрее...

Шлепающие звуки прибавили темп, а я на ватных ногах двинулась вперед. Перед дверью в спальню я замерла, а потом осторожно толкнула ее.

На нашей разворошенной кровати дело подходило к оргазму. Моя подруга Лариса стояла на широко разведенных коленях, упираясь руками в изголовье кровати, а сзади ее трахал мой Рома. Он грубо вколачивал в нее свой член, ускоряя темп... Его яйца при каждом толчке звонко шлепались о ее вагину, пах припечатывался к подкачанной округлой заднице, и на всю квартиру раздавалось громкое:

– Шлеп-шлеп, шлеп-шлеп...

Меня они не видели.

– Что же вы делаете, сволочи?! – крикнула я.

Ноги не держали, и я схватилась за дверь, чтобы не упасть.

Муж оглянулся.

Глава 2

– Вот же сука, все обломала, – раздосадованно произнес он.

Рома смотрел на меня, как на муху, которая неожиданно плюхнулась в его тарелку с борщом и испортила обед. Он даже не торопился вытаскивать член из Ларисы, а она, обернувшись к моему мужу, разочарованно протянула:

– Блин, я же почти кончила. Ты же к тетке умотала? – посмотрела на меня «подруга». – Чего приперлась?

Я стояла и хватала ртом воздух. Как же так? Лучшая подруга и любимый муж, которому я безоговорочно верила. А как же наша любовь, годовщина? Это такой он мне сюрприз приготовил?

Они смотрели на меня, я на них... Воздуха не хватало, ноги подкашивались. Казалось, сердце замирает на середине удара. Наконец, набрав в легкие воздуха, я произнесла, глядя на Ларису:

– Убирайся отсюда. Убирайся навсегда. Чтобы духу твоего тут не было!

При этих словах Рома вытащил из нее член, обтер его краем пододеяльника от комплекта, которым я всего два дня назад застелила нашу постель, надел свои черные плавки-боксеры и шагнул ко мне:

– Это ты убирайся, милая моя. А вернешься, когда я раз-

решу.

Я не поверила своим ушам: он прогоняет меня вместо того, чтобы начать извиняться и спешно выпроваживать любовницу? Что-то в моем мире явно пошло не так.

Лариса уселась на кровати, скрестив ноги по-турецки, и прикрылась одеялом. Она с любопытством смотрела на меня, словно мы не дружили последние пять лет, и она впервые меня видит. При этом она кокетливо начала наматывать черную прядь своих волос на пальчик и выжидающе поглядывать, чем же кончится дело. Одеваться и убегать она даже не собиралась, будто уже заранее знала, что Рома будет защищать ее, а не меня.

Я сделала шаг вперед и крикнула:

– Ты чего расселась? А ну, уходи! Я думала, мы подруги, – мой голос предательски сорвался, губы задрожали и на глазах навернулись слезы.

Лариса брезгливо поморщилась:

– Чего ты истерику устраиваешь? Тоже мне – жена-обиженка нашлась. Курица-наседка. Это ты проваливай отсюда. Не нужна ты Роме, он давно меня любит.

Я перевела взгляд на мужа, а тот ехидно смотрел на меня:

– У тебя пять минут на сборы манаток, а потом уходи. Мы с Ларчиком пока винишка на кухне выпьем.

Подруга натянула на себя Ромкину футболку, слезла с кровати и направилась мимо меня в коридор...

Тут на меня накатила такая злость и обида, что я замахну-

лась, чтобы вклепить ей пощечину. Но в этот миг к нам подскочил Рома, схватил меня за занесенную руку, а второй рукой так вцепился в шею, словно пытался меня задушить...

Он поволок меня в прихожую, делая широкие шаги, а я семенила спиной вперед, спотыкаясь и еле удерживая равновесие. Говорить я не могла. Муж так сдавил горло, что я только хрипела, пытаюсь произнести: «Отпусти!»

Рома волок меня, не обращая внимания на мои попытки что-то сказать, и злобно шипел:

– Что, не можешь уйти по-хорошему? Решила скандал закатить? Дура безмозглая, кухонное приложение к квартире! Да знала бы ты, как ты мне обрыдла со своими борщами и пирогами. Домохозяйка-уборщица. Да я на тебя, как на женщину давно смотреть перестал.

Он резко толкнул меня, одновременно отпустив руку и шею так, что я упала на обувную полку, сильно ударившись локтем об острый край тумбы-трюмо, а муж продолжал злобно выговаривать:

– Не захотела по-хорошему собраться и свалить, так проваливай в чем есть. Барахло твое я потом соберу, заберешь, когда скажу.

Он сердито огляделся, нашел глазами мою сумочку, схватил ее и, пошарившись, вытащил связку ключей с брелоком-зайчиком:

– Тебе они больше не понадобятся. Квартира моя, а ты тут даже не прописана. Вали, откуда явилась.

Лариса стояла, оперевшись плечом о дверной косяк спальни, и с приторной улыбочкой смотрела на меня. Когда она открыла рот, на меня полились и ее откровения:

– Знаешь, как мне надоело каждый раз выслушивать твои жалобы, что Рома тебе не разрешает работать? Что тебе нужны свои деньги? А ты даже не понимала, как своими попытками уйти из дома на работу ты его огорчала. Он для тебя все сделал: снабжал тебя финансами на бытовые расходы, выделял деньги на одежду, на море даже свозил. Да многие бабы душу дьяволу бы продали, чтобы с таким мужчиной жить, а ты выделывалась... И кстати, я Ромчику передала твои слова, что ты с ним ни разу не кончала. И вообще, не знаешь, что такое оргазм... Меня он до трех оргазмов за ночь доводит...

– Заткнись, – прошептала я, – Христом богом прошу, заткнись!

Муж схватил меня за ворот пуховика и поволок к входной двери:

– Это ты заткнись, тварь фригидная, – прорычал он, – сама, как бревно бесчувственное... А меня перед другими каким-то импотентомставляешь, который женщину удовлетворить не может. Да Лариска подо мной так стонет, когда кончает, что я сразу же по новой завожусь. Да даже целуется она так, что у меня хер колом стоит. Ты ей и в подметки не годишься, бытовуха в пуховике.

Он доволк меня до двери из тамбура и вышвырнул на лестничную площадку как ненужный хлам. Я неуклюже про-

бежалась и упала на пол, не сумев удержать равновесие. Из квартиры донесся залиvistый смех Ларисы.

По моим щекам текли слезы. Горе, обида, злость – все смешалось в этих слезах. Я начала подниматься на ноги и тихо проговорила:

– У меня был только ты, а у нее... Набралась опыта.

– Да заткнись ты уже, – поморщился Рома, – у нас с Ларчиком полная идиллия во всех отношениях, а ты – скучная кухарка. А то, что у тебя нет оргазмов, это твоя вина. Таких, как ты, хоть толстым поленом трахай, все равно толку не будет. Достала ты меня.

Он выкатил на площадку сумку из тамбура и нажал кнопку вызова лифта. В шахте раздалось шуршание, скрежет и вскоре створки распахнулись. Я сделала шаг в сторону, не желая заходить. Мне нужно было собрать хотя бы самые необходимые вещи: нижнее белье, средства гигиены, одежду на смену... Но Рома посчитал, что я сейчас продолжу скандал, снова подскочил ко мне и, ухватив за воротник пуховика, грубо толкнул в кабину лифта. Я снова упала.

Следом влетела сумка на колесиках и грохнулась рядом. Внутри что-то печально дзынькнуло и на пол начал вытекать ароматный огуречный рассол. Потом в лицо прилетела моя сумочка. В уже закрывающиеся створки влетел пакет с мусором, и голос Ромы крикнул:

– Выброси по пути.

Он заглянул в кабину, ядовито усмехнулся и нажал кноп-

ку первого этажа.

Лифт покати́л вниз, но сквозь его скрежет я слышала наверху смех мужа, к которому присоединился голос Ларисы.

На первом этаже я вышла на площадку. В одной руке волокла теткин сумку, в другой мусорный пакет. У первой же ступеньки я остановилась и села на пол. Идти мне было некуда. За годы замужества я перестала общаться со всеми знакомыми по институту, так потребовал Рома. Только Лариса была единственной душевной подружкой... Была.

Вся моя жизнь стала, как эти сумки: одна с разбитой банкой и кучей острых осколков, которые уже не склеишь, и мешок мусора... Моя семейная жизнь и оказалась мусором, в котором поселилась крыса. И мне это швырнули в лицо, выгнав из дома, как надоевшую собаку. Я снова начала всхлипывать, а потом разрыдалась в голос. Мой мир, моя жизнь, мое счастье – все разбилось, все рухнуло... Я сидела на холодной бетонной ступеньке, обхватив колени руками и уткнувшись в них лбом, ревела навзрыд и пачкала пуховик слезами и потекшими соплями. Платочка у меня с собой не оказалось.

Неожиданно кто-то потряс меня за плечо и произнес:

– Лада, вставай.

 *Друзья, подписывайтесь на аккаунт, чтобы получать уведомления об обновлениях в книге. Добавляйте роман в свои библиотеки и читайте новые главы с большим удовольствием!

 Ваши комментарии помогают мне лучше узнать, что вам по-*

правилось в моих книгах. Так что не стесняйтесь, смело пишите.

Глава 3

Я подняла голову и посмотрела на того, кто влез в мое горе. Рядом стояла баба Нина и с сочувствием смотрела на меня.

– Пойдем ко мне в каморку, – спокойно проговорила она, – не сиди на холодном. Тебе еще детей рожать.

– Он не хочет детей, – взвыла я и снова уткнулась в колени, вспомнив, что не раз поднимала разговор о малыше.

Рома каждый раз отвечал: «На фига нам дети, для себя пока поживем». Пожили.

Консьержка, неожиданно крепкими руками подхватила меня под локоть, рывком поставила на ноги и скомандовала:

– А ну, марш в каморку!

Потом она заглянула в открытую кабинку лифта и покачала головой:

– Еще и пол изгваздали...

Я сидела на старом маленьком диванчике и сжимала в руках горячую кружку с дымящимся чаем, от которого шел густой аромат мяты. Розовые и желтые цветочки с позолотой на боку кружки навевали мысли о домашнем уюте и семейном счастье, про которое мне теперь можно забыть.

Продолжая всхлипывать, я рассказывала бабе Нине о том, что произошло в квартире.

Вахтерша, которая уже успела прибраться в лифте и вы-

кинуть злосчастный пакет с мусором, с сочувствием смотрела на меня и качала головой:

– Когда Роман с ней в подъезд зашел, я ничего дурного и не подумала. Сколько лет ты тут живешь, столько эта чернявая к вам и шастает. Подружка же твоя... А что ты уехала, я и не знала. Не в мою смену ты утром вышла.

Баба Нина подтянула к себе мою дорожную сумку и начала вынимать оттуда уцелевшие банки. Маринованные помидорки, варенье трех видов, кабачковая икра и баклажаны с чесноком. Все было замотано в старые махровые кальсоны покойного дяди застирано-зеленого оттенка. Тетя, когда все укладывала, каждую баночку оборачивала одним слоем штанины и приговаривала: «Мужу эти подштанники уже без надобности, а ты баночки в целости довезешь».

Самая большая, трехлитровая, банка с солеными огурцами стояла на дне. Она-то и не выдержала удара о пол кабинки лифта. Раскололась в нескольких местах, залив дно сумки и полы ароматным рассолом...

Консьержка подтянула к себе плетеную корзину для мусора из-под стола и начала осторожно перекладывать в нее осколки от банки. Следом последовали пупырчатые огурчики с обрезанными попками, смородиновый и хреновый листы, разлапистый зонтик укропа и несколько долек белого чеснока.

– Ты пока чай пей, а я схожу, кальсоны в раковине простирну...

– Не нужно, – удержала я ее за руку, – просто выкиньте.

– Как скажешь, – вздохнула добрая женщина и отправила в последний путь дядины подштанники.

Потом она задвинула корзину обратно и спросила:

– Тебе есть куда идти? Где переночевать?

Я отрицательно покачала головой и снова шмыгнула носом. Баба Нина тут же пододвинула ко мне вскрытую упаковку бумажных платочков, которыми перед этим я оттирала сопли от пуховика, а потом еще влажными салфетками...

– Как же ты так оказалась без всего? – удивилась вахтерша. – Должны же быть у тебя друзья, подруги, хоть какая-то профессия.

При этих словах я снова почувствовала себя одинокой, брошенной, неполноценной и начала плакать. Добрая женщина вновь засуетилась: налила в стаканчик воды и накапала туда валерьянки.

– Выпей и успокаивайся. Слезами тут не поможешь. Да расскажи мне о себе.

Я не поняла, откуда у нее такое любопытство к моей судьбе, но решила, что пожилой женщине скучно целыми днями сидеть в каморке и смотреть на входящих-выходящих, вот она и любопытничает. После принятого лекарства я немного успокоилась, вытерла глаза, просморкалась и начала рассказ.

Сама я родилась в Воркуте, далеком и холодном городе на севере России. Здоровье у меня было слабое, и врачи го-

ворили, что нужно менять климат. В середине девяностых мы переехали в Вологду. Стало получше, но все же требовался еще более теплый край. К концу моей учебы в школе родители продали квартиру и дачу, и решили перебираться на черноморское побережье. Папа еще и работу хорошую нашел в Туапсе. Мама предлагала мне поступать в Краснодар, в Кубанский Государственный Университет на экономический факультет, но я страстно хотела в Москву. Тем более, что ЕГЭ сдала отлично.

В итоге родители переехали на Кубань, а я поступила в московский университет и поселилась в общежитии, как иногородняя. В самый первый день я села за парту с незнакомой девчонкой, с длинными черными волосами, завитыми в крупные локоны. Она улыбнулась мне и протянула руку:

– Привет, я Лариса. Ты откуда?

Так мы и подружились.

На летних каникулах поехали к моим родителям на море, и они встретили Ларису как родную. Она прожила у нас почти месяц и была очень довольна отдыхом.

Сама Лара жила на окраине Москвы с матерью. Отец ушел из семьи несколько лет назад, но исправно платил алименты и подбрасывал дочке-студентке мелочь на карманные расходы. Подруга хоть и не шиковала, но и последние копейки в магазине не пересчитывала.

Я жила более экономно. Когда я заикнулась о подработке официанткой или еще где, родители сказали:

– Лада, ты учишься хорошо, а деньгами мы тебя обеспечим. Успеешь еще наработаться.

Так я и висела на родительской шее, но у меня еще была стипендия, и общага позволяла значительно экономить на съеме жилья.

В начале второго курса мы с Ларой пошли на дискотеку, где и познакомились с двумя парнями – Ромой и Сашей, которые оказались на несколько лет старше нас. В ту ночь я ночевала у Ларисы, поскольку после одиннадцати общага закрывалась. Парни отправились нас провожать на первом метро, а Рома взял у меня мой номер телефона. Того самого, с которым я до сих пор хожу, только тогда он был новенький. Так и начался наш роман с Романом.

Когда он узнал, что я еще девственница, то очень удивился:

– Тебе почти девятнадцать! Как так получилось? Сашка с Лариской уже вовсю спят, и он у нее точно не первый.

На его вопрос я ответила просто:

– Я хочу по любви, чтобы первый мой мужчина был тем самым – единственным.

Через несколько месяцев Рома сделал мне предложение и в марте мы поженились.

На третий курс я так и не перешла. Муж поставил условие: либо семья, либо учеба – выбирай. Конечно же, я выбрала его.

Роме в наследство от двоюродного деда досталась эта

квартира, где мы сейчас живем, жили... Муж сразу сказал:
– Работать ты не будешь. Я – мужчина и буду тебя обеспечивать, а на работе к тебе приставать всякие начнут...

Так я и засела дома. Вела быт, готовила, рубашки гладила... Рома работал менеджером в консалтинговой фирме, они бизнес-планы разрабатывали. Зарплату приносил. А потом велел брать везде чеки и отчитываться за потраченные деньги. Потом начал предъявлять: зачем я покупаю себе духи и новые колготки, если сижу дома. Зачем пошла в парикмахерскую, если кончики волос мне и Лариска может дома подрезать? Когда я захотела начать ходить на фитнес и в бассейн, то Рома начал кричать, что я завела себе мужика и решила накачать задницу для него... Тогда мы впервые сильно поругались, и я больше эту тему не поднимала.

Пару раз заикнулась о ребенке, то тоже нарвалась на ругань:

– Я еще молодой и не хочу погрязнуть в пеленках и памперсах. Я высыпаться хочу, а не слушать детский рев по ночам. Лет через пять вернемся к этой теме.

Лариса всегда была рядом, а с остальными подругами я общение растеряла. После четвертого курса она решила устроиться на работу по специальности, и тут Рома предложил ей пойти к ним в фирму. Как раз место освободилось!

Я радовалась, что подруга и муж будут работать вместе. Самые дорогие люди всегда рядом... Иногда я спрашивала Ларису, когда она найдет себе мужа, то подруга отмахива-

лась:

– Ой, да не хочу я серьезных отношений. Гуляй пока молодой, Лара, – напевала она и смеялась.

А оказалось, что она отлично проводила время с моим мужем. Сучка!

Баба Нина выслушала мою исповедь и задумалась:

– Бедолага. Сегодня переночуешь у меня, а завтра построим тебя. У меня одна подружка раньше на женской зоне работала, я ей твою историю расскажу. Она поможет.

Консьержка налила мне новую порцию мятного чая, а сама набрала на телефоне номер приятельницы:

– Привет. У меня тут девочка симпатичная без дома и денег осталась...

Глава 4

Я открыла глаза и осмотрелась. Вчера вечером консьержка привела меня к себе и уложила спать. Выпитая валерьянка дала о себе знать, и я быстро вырубилась. Всю ночь мне снилось что-то невнятное, тревожное, темное и незапоминающееся... Эти сны сопровождал скрежет лифта, смех Ромы и ядовитое хихиканье Ларисы...

Квартира бабы Нины радовала чистотой и опрятностью. Трюмо, сервант, шкаф с креслами и журнальный столик стояли тут явно с семидесятых годов. Только диван, на котором я провела ночь, смотрелся словно гость из будущего. Консьержка еще с вечера пояснила:

– У старого все пружины повылазили, сидеть невозможно стало, вот мне сын на юбилей подарок сделал.

Время подбиралось к восьми часам, баба Нина должна вот-вот вернуться со смены.

Я прошла на кухню, налила воды из фильтра-кувшина в чайник и нажала синюю кнопку.

За окном почти рассвело. Я села на табуретку между столом и окном, и уставилась на грязно-заснеженный двор. Конец марта выдался морозным, хотя до этого две недели была оттепель. Московский пейзаж навевал уныние – серость и грязь, грязь и серость... И грязь.

Картины вчерашнего вечера вставали перед глазами, и я

снова захлюпала носом. Рома схватил меня за шею и вышвырнул из квартиры, валял по полу на лестничной площадке, бросил в лифт, а еще этот мусорный пакет... Как дальше жить? Куда идти? У меня даже нет денег, чтобы поехать к родителям. Да и не хочется... Такой позор – муж привел любовницу, а меня выгнал!

Я всего лишь кухонное приложение к квартире, так он вчера сказал. Бытовуха в пуховике...

Чайник уже всюду шумел, а я редела, когда щелкнул замок, и баба Нина вошла в прихожую. Войдя на кухню, она недовольно посмотрела на меня:

– Ты чего сырость развела? Сейчас глаза и нос распухнут, будешь на вареный помидор с зенками похожа. Как с таким лицом новому начальству покажешься?

– Какому начальству? – шмыгнула я носом.

Вчера вечером приятельница консьержки ничего толком не сказала, но велела перезвонить утром. Только уточнила мой возраст и симпатичная ли я. Все это наводило меня на нехорошие мысли...

Но ведь не могла меня баба Нина сватать на должность проститутки?! Я хоть и без денег, а на такое никогда не пойду. Благо паспорт, СНИЛС и прочие нужные бумажки у меня с собой, когда к тетке ездила, весь органайзер с документами в сумочку сунула.

Словно подслушав мои мысли, она спросила:

– У тебя хоть какие-то деньги с собой есть?

– Почти триста рублей с электрички осталось. И документы при мне, – на всякий случай уточнила я, – а чего?

– А того, – буркнула баба Нина, – иди умойся, в порядок себя приведи. Позавтракаем и на работу поедешь. Марш в ванную!

Я послушно засеменила в ее совмещенный санузел и включила оба крана. Из зеркала над раковиной на меня глянул китайский пчеловод с красным носом и припухшими губами. Да, реветь мне точно не к лицу... Но как тут не разревешься? Я снова начала себя жалеть, губы изогнулись в кривую дрожащую дугу, слезы навернулись на глаза...

– Ты холодное полотенце к глазам поприкладывай, – раздался с кухни голос хозяйки, – тебе сколько яиц жарить?

– Два, – громко ответила я и сделала глубокий вдох.

Действительно, нужно привести лицо в божеский вид и подробнее узнать о работе. Если приятельница консьержки раньше работала в тюрьме, то куда она еще меня может пристроить со своими связями: в тюрьму, в проститутки или в полицию? Но у меня нет никакого образования. Или в мафию завербует?!

Я представила мрачные перспективы своего недалекого будущего и решила, что если предложат что-то непотребное, то просто сбегу, и поеду до Туапсе автостопом, а там будь что будет.

Когда я вернулась на кухню, то на сковородке всюю шкворчала ароматная яичница с сосисками и зеленым лу-

ком. Мой желудок призывно заурчал, и только сейчас я осознала, что толком ела последний раз в Конаково. Вечерний чай с мятой и валерьянкой не в счет. Баба Нина усмехнулась и сказала:

– Раз есть хочешь, значит, жить будешь. Налетай.

На столе появилось корзинка с хлебом, блюда с яишенкой, кружки с чаем и миска с овсяным печеньем.

Я молча ела, удивляясь, откуда при всех моих переживаниях у меня взялся аппетит?

Если бы у меня случилось большое горе, то скорее всего, я бы лежала и редела в подушку дома, но дома больше не было. И горевать мне негде. Видимо, мои мозги в этот момент были умнее самой меня и решили поддерживать в жизнь в теле невзирая на мои слезы и отчаяние, не позволяя расползтись слезливой кашей по измене Ромы.

Наконец, я решилась спросить, куда меня пристроила подруга хозяйки.

Баба Нина отхлебнула чай и важно ответила:

– Радуйся, в хорошем месте будешь жить.

Она вышла в прихожую и быстро вернулась с маленьким листочком, который положила передо мной.

– Вот адрес. Это коттеджный поселок в Подмосковье. Будешь в частном доме работать. Жить и столоваться там же.

– Как же я туда доберусь? – пролепетала я.

Хозяйка перевернула листочек:

– Я тут все записала. Сначала на метро, а потом автобу-

сом. На въезде в поселок КПП, там ты скажешь в какой дом, и что ты из агентства. Они пропустят. Предупреждены уже.

Я молча смотрела на листочек. В частный дом... Из агентства... От неизвестной тетки, которая много общалась с уголовницами... А мне баба Нина казалось приличной женщиной. Неужели она все же меня в частный бордель пристроила? Я про такие криминальные передачи видела. Не поеду!

Я поднялась с табуретки и сказала:

– Спасибо вам за заботу, но, пожалуй, я дальше сама...

– Сама ты уже мешком с отходами по мордасам получаешь, – насупилась баба Нина, – я тут ради нее занятых людей тревожу, а она нос воротит! Чего артачишься? У тебя там даже своя отдельная комната будет. На это место желающих хватает, а мне по знакомству для тебя вакансию отдали. Собирайся давай. Там и деньги, и тепло, и сытно.

– А вы почему там не работаете? – робко поинтересовалась я.

– Старая я уже, – пожала плечами консьержка, – да и не нужно мне. Я же не бездомная.

Я не выдержала неизвестности и спросила прямо:

– Вы меня проституткой в частный публичный дом работать отправляете?!

Глава 5

Баба Нина уставилась на меня, как на блаженную и перекрестилась:

– Прости, Господи, эту дуру грешную. Да как тебе такое в голову-то пришло, – всплеснула она руками, – ты вчера головой все же стукнулась?

– А чего вы все загадками говорите: частный дом, нужна не старая, будет отдельная комната?.. Что я еще могу подумывать. Я не поеду.

Хозяйка посмотрела на меня с укором и вздохнула:

– Что же вы все, молодые, такие распушенные. Я для нее, как лучше стараюсь, а она мне тут такое выкатывает. Ни стыда, ни совести. Экономкой и кухаркой будешь.

– Как это?

Я ошарашенно села на табуретку и уставилась на консьержку.

– А так. Будешь делать то же самое, что и дома, только за зарплату. Готовить умеешь?

– Да, – кивнула я.

– Счета оплачивать и за порядком следить?

– Умею, – снова кивнула я.

– Вот и поезжай, – развела руками хозяйка, – там тебе и дом, и еда. Приятельница сказала, что там еще кто-то из obsługi есть. Не одна будешь. Тебе все расскажут и покажут.

Я переваривала услышанное и успокаивалась. Быть прислугой в чужом доме, это не проституткой... А если там хозяйка злая, и будет придирааться? А если моя стряпня им не понравится. А если хозяйские дети там над прислугой глумятся и издеваются? Я и про такое в разных передачах видела.

– А у кого работать? – поинтересовалась я. – Просто хочу морально подготовиться к будущей встрече с работодателем.

– Чего не знаю, того не знаю, – ответила баба Нина, – это уже на месте выяснишь. С другими работниками подружишься, заготовками своими их угостишь.

Тут я вспомнила про сумку и растерянно огляделась.

– В прихожей она, – словно прочла мои мысли консьержка, – я ее изнутри отмыла, и все банки пленкой-пупырькой переложила. На днях жильцы с верхнего этажа холодильник новый купили, так я целых два метра этой радости отхватила. Люблю пощелкать пузырьки.

– Спасибо, – пролепетала я, – за все вам спасибо. Я тогда пойду собираться?

– Конечно, собирайся? – снова усмехнулась хозяйка. – Тебе из сборов только пуховик да сапоги натянуть. Все остальное на тебе.

– У меня еще и шапочка есть, – гордо сказала я и пошла в прихожую.

На самом деле ехать работать в чужой дом даже без зуб-

ной щетки и смены трусов было крайне неудобно. Как нищенка. Хотя я теперь и есть нищенка. Может, новые хозяева сжалятся и дадут небольшой аванс, так я хоть в дешевеньком магазине все необходимое прикуплю. А пока, куплю у метро жвачку, раз уж зубы с утра почистить не судьба...

Когда я вышла из автобуса на остановке, в моем кошельке оставалось целых двадцать восемь рублей. Если что-то пойдет не так, то реально придется выбираться отсюда автостопом.

Неподалеку стоял дорожный указатель с надписью «Ташкино» и показывал белой стрелочкой направление. Примерно в трехстах метрах от основной трассы виднелись крыши богатых домов, окруженные высоким забором с камерами видеонаблюдения, а въезд в этот мир состоятельных людей охранял шлагбаум и доблестные ребята из ЧОПа.

Я потопала к КПП. Тетушкина сумка и мой пуховик сразу наведут охрану на мысль, что пришла либо попрошайка, либо прислуга. Обитатели таких шикарных домов выглядят совсем иначе.

Радовало, что вдоль дороги был проложен очищенный от снега тротуар, и не нужно было опасаться, что меня собьет невнимательный водитель какого-нибудь богатея...

Всю дорогу я думала, как лучше представиться хозяевам, как с ними себя держать и разговаривать? Я же раньше с богатыми вообще не общалась. Только сериалы про них смот-

рела. А в кино олигархи и их женщины были те еще... нехорошие люди. Что меня ждет в этом доме? Было боязно, но деваться некуда. В свои двадцать два года я впервые иду устраиваться на работу неизвестно к кому, за какую зарплату и на какой срок! Вообще, ничего не известно, кроме того, что это не публичный дом.

Доковыляв со своей авоськой до КПП, я подошла к окошку и сказала охраннику в черной форме:

– Здравствуйте. Я в тринадцатый дом. Лапикова Лада.

Тот внимательно взгляделся в мое лицо, потом критически оглядел мои шапку и пуховик, потом привстал и усмехнулся, увидев старушечью сумку на колесиках.

– Что в багаже? – наконец спросил он.

– Домашние заготовки, – пролепетала я.

– Хозяев отравить решила? – строго поинтересовался охранник.

– Нет, это мое, от тети, – я еще больше растерялась.

– Тогда доставай, – скомандовал второй ЧОПовец, с усмешкой глядя на напарника.

– Куда? – не поняла я.

Тут не было ни стола, ни хотя бы лавочки, чтобы все расставить. Не на замерзший же асфальт баночки выгружать.

– В окошко подавай, – вздохнул ЧОПовец, – сейчас проведем экспертизу и отпустим.

Делать нечего, я раскрыла сумку и начала доставать заготовки и протягивать охраннику. Он расставлял все у се-

бя в каморке на столе и внимательно присматривался к содержимому закруток. Особое внимание привлекло клубничное варенье. Парень включил фонарик и начал придиричливо вглядываться во вкусные ягоды, залитые сладким сиропом. Хоть банка и была плотно закрыта, но казалось, что аромат клубники чувствуется даже через стекло и железную крышку. Неожиданно охранник произнес:

– Слышь, Серый, кажись, она сюда мышьяка напихала. Точно кого-то травануть задумала. Надо пробу снимать.

Я до такой степени испугалась, что стащила с головы шапочку, сжала ее перед собой в руках, как в молитве, и залепетала:

– Товарищи охранники, честное слово – нет там яда. Это все домашнее, со своего огорода. Я вам клянусь!

Парни сурово глянули на меня, на мои испуганно вытаращенные глаза, и Серега сурово спросил:

– Запрещенка есть? Оружие, наркотики, настойка из мухоморов?

– Нет, – замотала я головой, – ничего такого нет.

– Жаль, – вздохнул Серый, – у моего деда снова суставы болят. А прошлогоднюю настоечку он уже всю на компрессы извел. Ладно, Лада Лапикова, верим тебе на твое честное слово! Забирай свои банки и топай по адресу. Тебя уже ждут.

Я начала спешно складывать закрутки в сумку, посекундно благодаря охранников за снисходительность, а потом оглянулась на поселок:

– А в какой коттедж мне идти?

– Второй поворот налево, – ответил первый ЧОПовец и добавил, – шапку надень. Ветер сегодня.

Я натянула на голову шапочку и покатила свою авоську в указанную сторону. Уже отойдя на десяток метров от будки охранников, я услышала их громкий ржач:

– И где они таких наивных набирают? Ты видел, как она глазищи вытаращила? Я еле сдержался, чтобы в голосину не заржать...

Дальше я не слушала, а торопилась уйти подальше от этих Петросянов. Я-то думала, они мне серьезно досмотр устроили, а это они со скуки развлекаются. Паразиты. Мне и так страшно, а они: «Кажись она сюда мышьяка напихала». Эх... То ли еще будет?

На втором повороте от основной дороги я свернула налево и вскоре подошла к высоким воротам, украшенным поверху коваными узорами. На почтовом ящике красовалась золоченая цифра «13», а на столбе у калитки крепились звонок и камера. Я нажала кнопку.

Камера смотрела на меня своим мертвым глазом, а потом слегка покачнулась сверху вниз. На всякий случай я тоже ей поклонилась. Мало ли, вдруг у богатых ритуал такой...

Вскоре раздались шаги, и за ворота вышел мужчина лет тридцати в зеленой спецовке. Гладко выбритый подбородок, стрижка под расческу и серые холодные глаза, которые впились в мое лицо. Пальцы мужика украшали татуировки

двух перстней. На одном был изображен ромбик и с палочкой внутри, а на другом карточный знак «пики». Все-таки уголовное пристанище...

«Куда же ты меня отправила, баба Нина?», – подумала я и испуганно уставилась на мужика.

– Чего тебе? – грубо спросил он.

– Я к вам на работу, – просипела я.

Видимо, со страху голос пропал. Я уже собралась развернуться и драпать обратно к «Петросянам» на КПП, как мужик спросил:

– Ты от Петровича?

– Нет, – захлопала я глазами, – я от бабы Нины.

Мужик сплюнул на землю:

– Не знаю такой. Проваливай.

Он вошел во двор, щелкнул замком, а я растерянно осмотрелась. Придется ехать в Туапсе автостопом...

Глава 6

За воротами неожиданно раздалось:

– Стопэ. Погодь, цаца. Так ты повариха новая?

Калитка вновь распахнулась. Я мелко затрясла головой, как китайский болванчик, давая понять, что все верно.

– А хули молчишь? – сердито спросил мужик, цыкнул серебряной фиксой переднего зуба и нагнулся прямо к моему лицу. – Или тебя мусора подослали?

Я начала мотать головой из стороны в сторону:

– Нет. Баба Нина.

Мужик смотрел на меня тяжелым взглядом, словно втапывал в землю и одновременно просвечивал рентгеновскими лучами, проверяя на предмет связи с полицейскими. Наконец он широко распахнул калитку с произнес:

– Разберемся, что за баба Нина такая. Заходи. Это все твои вещи? – кивнул он на сумку.

– Тут зимние закрутки, – смущенно пробормотала я, – а вещей у меня нет.

– Совсем? – удивился он.

– Совсем, – вздохнула я прошла во двор, волоча за собой сумку.

– Подозрительно, – протянул мужик, – оружие, наркотики, настойку из мухоморов привезла?

Я ошарашенно уставилась на него:

– Да вы сговорились все, что ли? Эти настойку спрашивали, теперь вы еще.

– Значит, Серегина смена на КПП, – кивнул сам себе мужик.

Я оторвала от него взгляд и воскликнула:

– Вот это да!

Я с восхищением оглядела двор. Перед домом все было вымощено фигурной плиткой, будто плоские булыжники нарочно хорошо обтесали и плотно подогнали друг к другу. Справа территория уходила в заснеженный газон с расчищенными дорожками и опустевшим на зиму фонтаном из белого мрамора. По краям участка стройными стражами стояли зеленые туи, за которыми виднелось еще одно строение. Как позже оказалось – гараж. Я впервые была в таком дворе.

Мужик, видя мое восхищение, гордо поднял подбородок и сказал:

– Я тут за двором и садом слежу. Там за домом, основной сад с альпийской горкой и маленьким прудом, – мужик показал на мощеную тропинку, которая убегала за дом и пряталась за ветвями можжевельника, – летом вообще зашибись! Я Вася.

Мужик протянул руку, я робко ответила на рукопожатие и на всякий случай уточнила:

– Вы садовник?

– Типа того, – кивнул Вася, – еще дворник и охранник. Топай в хату.

Он указал на крыльцо с большими двусторчатыми дверями. Мраморные ступени и две белые колонны на входе создавали ощущение, что вхожу в небольшой замок.

Сколько же народу тут живет? Вдруг мне придется ежедневно готовить на десять человек. А если к ним еще и гости приедут? А если тут много уголовников собирается, то нужно ли мне учиться заваривать чифир? Столько вопросов и полная неизвестность. Успокаивало то, что я не осталась на улице.

Василий распахнул дверь, пропуская меня, в дом и вошел следом. Он снял уличные сапоги и сунул ноги в черные пластиковые тапочки. Почти такие же, как были у Ромы... Рома. Мой Ромашка... Что же ты натворил? Разрушил семью. Меня вышвырнул. И даже единственная подруга...

За всеми переживаниями я отвлеклась от личной трагедии и волновалась только о своей безопасности, но эти мужские тапочки китайского производства неожиданно триггернули меня, и я начала хлюпать носом.

Вася удивленно обернулся и спросил:

– Ты че, психическая?

– Н-нет, – дрожащим голосом ответила я, – просто нака-
тило.

– На работе накатывать нельзя, – строго сказал садовник, – Макар пьяных работников увольняет. Завязывай с утра прибухивать.

– Да не пью я! – от неожиданного и беспочвенного обви-

нения у меня даже слезы исчезли, которые только что наворачивались. – Эмоции на меня накатили.

– Ясно, – кивнул Вася, – значит, психическая.

Я сняла свои сапоги и осталась стоять на месте, перетаптываясь у двери в своих желтых носочках с розовыми зайчиками. Садовник цыкнул зубом, сверкнув серебряной фиксой и неожиданно громко крикнул:

– Мэй, выдай тапки новой поварихе.

В прихожую бесшумной походкой выскользнула маленькая смуглая девушка со слегка раскосыми глазами. Она молча приветствовала меня, легким наклоном головы, достала из шкафа пару одноразовых тапочек. Нам такие в гостинице выдали, когда мы с Ромой на море ездили... Да что же это за тапочная память?! Надо будет узнать у хозяйки, в какой обуви тут нужно ходить, и купить себе что-то, что будет максимально далеко от моих воспоминаний. На смуглой девушке красовалось опрятное голубое платье горничной, а на миниатюрных ножках надеты белые сабо с ремешком на пятке. Удобная обувь – и обута, и пальцы не потеют. Практично.

Я натянула мягкие, тонкие тапки, а Василий заговорил:

– Это Мэй, она тут уборкой и бельем заведует. Постирать там, погладить. А ты будешь на кухне работать, на закупки ездить, счета оплачивать.

Я улыбнулась новой знакомой и сказала:

– Привет. Я Лада.

Смуглянка подняла правую ладошку и приветственно по-

махала мне. Я видела такие жесты у азиатских туристов, когда гуляла на Красной площади и спросила:

– Ты китаянка. Или из Японии?

– Она филиппинка, – ответил за девушку Вася и добавил, – Мэй хорошо русский язык знает, найдете, о чем пообщаться.

Я вспомнила. В одном женском журнале писали, что богачи любят филиппинскую прислугу: тихие, исполнительные, в дела хозяев не лезут и не сплетничают. Маленькая Мэй показалась именно такой, даже мне слова не сказала. Сколько ей лет, я тоже понять не могла, только приблизительный возраст: от двадцати до тридцати.

От новой знакомой меня отвлек Василий:

– У тебя права есть? Какой стаж вождения?

Опять – двадцать пять.

– Я не умею водить, – проямлила я и испуганно спросила, – меня за это уволят?

– Макар решит, – ответил Вася, – как же ты работать приехала без вещей, но с заготовками. Сменная одежда и прочее барахло-то должно быть...

Я оглядела богатый дом, новых знакомых и тихо прошептала:

– Меня вчера муж из дома выгнал, даже вещи не дал собрать.

При этих словах Мэй уперла кулачки в бока, недовольно нахмурила брови и строго глянула на Василия, тот сразу

спросил:

– Твой косяк?

– Нет. Это я его со своей лучшей подругой в нашей спальне застала, – мои губы начали дрожать, а нос наливаясь краснотой, – у нас завтра годовщина свадьбы, три года. А я к тетке поехала с ночевкой, а вернулась раньше. А они там... А Рома меня за шею схватил, в лифт бросил...

Все-таки я разревелась, не так, как вчера в подъезде – на взрыд, но тоже со слезами.

Василий кивнул Мэй, девушка ушла на кухню и вскоре вернулась со стаканом воды.

– Раз косяк не за тобой, тогда норм, – доброжелательно сказал Вася и добавил, – через час закупать продукты поедем. Заодно себе необходимое возьмишь, в счет зарплаты. А пока располагайся. Мэй все покажет.

– И расскажет, – добавила я, вытирая слезы.

– Не расскажет, – сверкнул серебряной фиксой садовник, – немая она.

Глава 7

Я перевела недоуменный взгляд на филиппинку. Она приподняла голову и показала небольшой шрам на шее.

– Братец-психопат в детстве остро заточенный карандаш воткнул, – пояснил Вася, – чудом выжила.

Я офигевшими глазами уставилась на горничную. Дичь какая-то. Это, что у нее за семья была, где неадекватные дети друг в друга карандаши втыкали... Мое воображение сразу же подкинуло картину: маленькая смуглая девочка стоит посреди комнаты, из ее шейки торчит розовый карандаш... Не знаю, почему именно розовый, но в мыслях он был такой. А напротив нее хохочет толстый мальчуган, тыча в нее пальцем. Б-р-р-р.

Я мотнула головой, отгоняя страшное наваждение, и спросила:

– А как мы общаться будем?

– Ты нормально говори, а у Мэй магнитный планшет для рисования есть. Она ответ напишет. Но ты начинай язык жестов учить, так удобнее, – посоветовал Василий.

– А если по телефону? – не сдавалась я.

– Через мессенджер, – пожал плечами садовник, – обменяйтесь номерами.

– Бли-и-ин, – я смущенно взглянула на новых знакомых и пошарилась в сумочке.

Когда я извлекла на свет свой старый смартфон с битым экраном и продемонстрировала его, то Мэй сокрушенно покачала головой и вопросительно глянула на Васю. Я быстро сказала:

– Он работает, только садится быстро. Он у меня старенький. Только у меня зарядки нет.

Мне уже было стыдно за свою нищету, а Василий еще подлил масла в огонь:

– Тебя по какому объявлению подобрали? Приехала кухарка: ни говна, ни ложки, – он обернулся к горничной и скомандовал, – проводи ее в комнату, покажи там все, а я ща приду.

Он недовольно цыкнул зубом, снова надел уличную обувь и выскользнул за дверь. Вот уж кто действительно прав на все сто процентов: ни говна, ни ложки.

Мэй жестами показала, чтобы я взяла свои сапоги в руки и следовала за ней. Мы прошли через столовую с большим вытянутым обеденным столом из какого-то темного, но явно дорогого дерева с закругленными углами, вокруг которого выстроились стулья с высокими спинками... Значит, все-таки большая семья. Потом мы оказались в кухне...

Я такие только по телевизору видела и в интернете. Посередине разделочный стол с поверхностью из камня, вероятно гранита, длинный стол вдоль стены со встроенной мойкой. А еще куча техники: духовка, посудомойка, кухонный комбайн, термопот, тостер, двухдверчатый холодильник, ко-

фемашина, микроволновка... А еще закрытые шкафы, в которых наверняка хранилось много разнообразной посуды и прибаамбасов для готовки.

Это была не просто кухня, а настоящая мечта хозяйки или фуд-блогера. Я замерла на месте и восторженно озиралась. И чего здешняя хозяйка сама не готовит? Будь я сама женой какого-нибудь богатого дядьки, то все равно, хоть раз в неделю, сама бы в такой кухне готовила.

Мэй щелкнула пальцами, привлекая мое внимание, и махнула рукой, приглашая следовать дальше.

За кухней обнаружилась маленькая прихожая с двумя внутренними дверьми и выходом на крыльцо заднего двора. Окно в половину стены открывало вид на сад, о котором говорил Вася. Даже под покровом подтаявшего снега он выглядел потрясающе! Туи, можжевельник и елочка сбоку... И пруд, через середину которого был построен деревянный мостик, как в сказочных декорациях. За голыми ветками каких-то низкорослых деревьев проглядывала мангальная беседка и еще один маленький домик, напоминающий деревенский сруб, только небольшой. Маленький рай для семьи.

Мэй снова щелкнула пальцами и открыла одну из внутренних дверей. «Заходи», махнула она мне. Девушка ткнула пальцем на полутороспальную кровать с высокой мягкой спинкой, обитой светло-серым велюром, а потом указала на меня.

– Это моя комната? – спросила я.

Филиппинка кивнула, подошла к шкафу и выразительно глянула на меня. Я присоединилась к ней. Она раскрыла створки и начала раздавать пальчиком инструкции: постельное белье, и теплое одеяло лежало на полках, и я должна его сама застелить...

Комната оказалась очень уютная. Стены были выкрашены в приятный и мягкий фисташковый цвет, на полу лежал ламинат оттенка светлого дерева, а светодиодная люстра-таблетка под потолком меняла степень освещения, в зависимости от количества щелчков выключателя. Мэй мне все это продемонстрировала и махнула, чтобы я шла за ней дальше.

В правой от двери стене было еще одно помещение – собственный санузел! Душевая, унитаз и раковина. Все чистое и красивое. И, слава богу, не похожее на гостиничный номер, где мы отдыхали с Ромой. Не хотелось мне тут видеть невольные напоминания о супружестве, что закончились вчера на такой ужасной ноте.

У меня возникло ощущение, что я оказалась в своем новом доме. Возле окна стоял письменный стол с выдвижными ящиками и удобный, мягкий стул к нему, а напротив кровати красовался широкий комод, на котором стоял небольшой плоский телевизор. Вся мебель была сделана из светлого дерева, создавая теплую атмосферу уютного дома. Уютного, тихого и безопасного.

Кстати, действительно тихого. Я не слышала голосов других людей. Только садовника. Я обернулась к Мэй и спроси-

ла:

– А где хозяйева?

Девушка расставила руки в стороны и изобразила самолет.

– Они в отъезде? – уточнила я.

Мэй кивнула, а я решила спросить:

– А кто такой Макар? Василий его дважды упомянул.

Мэй сделала важное лицо и ткнула пальцем в потолок. Так обычные люди делают, когда упоминают в разговоре президента и добавляют: «Он самый!», но я поняла:

– Это хозяин дома?

Филиппинка кивнула, а потом потащила меня в наш коридорчик, показала на соседнюю дверь и ткнула пальчиком в себя.

– Это твоя комната, – догадалась я, а Мэй улыбнулась.

– Эй, девчонки, – раздался голос Васи, – вы где?

– В наших комнатах, – крикнула я.

Раздались уверенные шаги, и в нашу прихожку вошел Василий. Он протянул мне смартфон с проводом-зарядкой.

– Это мой старый, но вполне рабочий. А на твой раритет у меня даже зарядника нет. И это... Я твой баул на кухню оттабанил. Нефиг ему у хозяйских дверей торчать. Свои заготовки можешь в погреб или холодос спрятать.

Я взяла телефон и поблагодарила. От всего сердца поблагодарила:

– Спасибо вам, Василий, большое спасибо! А мои закрут-

ки мы с вами вместе съедим, чего их беречь? Их кушать надо. Вы икру кабачковую домашнюю любите?

– Любите, – хохотнул садовник и цыкнул зубом, – ты мне тут не выкай, я те не прокурор. На «ты» разговаривай. Выкать Макару будешь.

– А большая у Макара семья? – поинтересовалась я. – Как-то тихо в доме.

– Нет у него семьи, – при этих словах Вася как-то болезненно поморщился и добавил, – погибли. Ты при нем эту тему не поднимай. И запомни, для тебя он Макар Андреевич. Усекла?

– Усекла, – кивнула я, а в голове замельтешили мысли одна страшнее другой, о трагедии неизвестного мне Макара...

Мы вошли в мою комнату, я положила на стол сумочку и начала доставать из своего мобильного симку и карту памяти. Нужно переставить их в новый телефон. Вдруг мне мама позвонит... Когда все было установлено в новый аппарат, и я включила мобильник, то на него посыпались сообщения:

«Ты где?»

«Иди домой».

«Лариса ушла. Возвращайся».

«Лада. Хватит прятаться. Иди домой».

«Хватит трепать мне нервы! Где ты шляешься?»

«Лада, прекрати выделываться. Бегом домой».

«Решила в обиженную жену поиграть, нервы мне подделывать? Возвращайся».

«Что ты кобенишься? Хочешь еще получить? Я не позволю тебе вытирать об меня ноги. Я сказал, бегом домой!»

«Ты чего трубку не берешь? Ты в порядке?»

«Если утром не вернешься, я твоим предкам позвоню. Их инфаркт схватит, так что иди домой, у меня рубашки чистые заканчиваются».

Еще было почти полсотни пропущенных звонков, и все от Ромы.

Все это время Вася и Мэй стояли возле меня и с любопытством читали эти сообщения. Неожиданно мобильник ожил и на всю комнату заиграла мелодия из фильма «Бумер» — Вася знал толк в рингтонах...

На экране высветилось: «Ромашка».

Глава 8

– Муженек? – спросил Вася и цыкнул зубом.

Я кивнула, с тревогой глядя на экран. Брать трубку не хотелось. Я уже представляла, что наговорит мне муж... Лучшая защита – нападение, и Рома начал нападать. Он и в своей измене меня обвинит. Скажет, что я погрязла в быту и перестала быть привлекательной, вот он и засмотрелся на яркую Ларису.

Я молча смотрела на экран и только собралась смахнуть в сторону зеленую трубочку, как Вася выхватил у меня из рук мобильник и нажал отбой вызова. Потом занес номер Ромы в черный список...

– На хуй мужа, – спокойно произнес он и вернул мне телефон, – а матери позвони и сама все расскажи. А то этот утырок чего насочиняет, и реально им лепилу вызывать придется.

Они с Мэй пошли на выход, и уже в дверях Вася обернулся и сказал:

– Через полчаса выезжаем...

Я бросила пуховик с шапочкой на кровать, и морально приготовилась к звонку родителям.

Разговор с мамой был тяжелый. Я, как могла, сглаживала углы, чтобы не расстраивать окончательно. Умолчала о том, как он схватил меня за шею и чуть не придушил, о том, как

валял меня по полу в подъезде. Про мусорный мешок тем более не сказала. А зря...

Мама решила, что была только измена и мой уход из дома. Она начала причитать:

– Ладушка, доченька. А может, Рома единожды оступился? Эта Лариска все время у вас крутилась, вот воспользовалась моментом, когда тебя нет. А Рома стал жертвой это шлендры, прости господи...

– Да не так все, мам, – вздохнула я, – это у них не первый раз. Они уже несколько месяцев крутят, как Лариска к ним в фирму устроилась.

Мама помолчала и завела старую пластинку:

– Но нельзя же так с ходу семью рушить. Ты женщина, должна уметь прощать. Сходи в парикмахерскую, купи себе красивые вещи, красся дома.

– Мама! – воскликнула я. – Какие красивые вещи? Он ругался, когда я новые капроновые колготки, самые дешевые, себе купила. Он же чеки все просматривал, каждый рубль пересчитывал, чтобы я ничего для себя лишнего не купила. Я трусы и прокладки себе в «Фикс-прайсе» покупала, в дни скидок. Деньги на костюм для годовщины удавалось откладывать только тогда, когда я за мясом на воскресный рынок ходила. Там только наличкой брали, вот по соточке за полгода насобирала.

– Эх, доча, доча, – вздохнула мать, – уж лучше дома быть. С мужем-то надежнее. А он исправится. Я сама с ним пого-

ворю. Он тебя из этого чужого дома заберет...

– Не надо, – устало произнесла я, – не надо, мам. Я тебе не все рассказала...

Пришлось выложить все – от начала до конца про мое возвращение от тетки. Я слышала, как на том конце провода мама захлопала носом и сморкалась в платочек.

Когда я закончила, то сказала:

– Ты папе все расскажи, как есть. Не хотела я вас огорчать, но Ромка пригрозил, что сам вам позвонит... И фиг знает, в каком свете он все представит. И вообще. Если он с вами свяжется, то скажите, что не знаете, где я.

– Неправильно это, Ладочка, – грустно сказала мама, – дал бог мужа, надо терпеть. Не дело это, по чужим домам скитаться, когда свое жилище есть. Ты уж подумай. Хорошенько подумай...

Я сидела на краю кровати и думала: «А может, мама права...» Меня всегда учили быть послушной. Хорошо училась в школе, ходила на хореографию в музыкалку – концерты, выступления. «Родителей нужно слушаться и почитать, а мужа уважать», – такова мамина заповедь.

Ей-то с папой повезло, он у меня добрый и покладистый. Выпивал только по праздникам и весьма умеренно. Был мягкого нрава, ни разу руку на нее не поднял. Было, что пару раз он повышал голос... Но ни одного оскорбления или матерного слова мама от него в свой адрес не услышала. Ей хорошо говорить: «Дал бог мужа, надо терпеть...»

А если я вернусь к РOME, что меня там ждет? Та же стирка, уборка, готовка и попреки, что варю борщи не в вечернем платье, боевом макияже и на высоких каблуках. Я даже свою любимую мятную шоколадку последний раз себе два года назад покупала... Потом только вкус вспоминала. Вот баба Нина меня чаем с мятой поила, и мне было очень вкусно. А если я тут немного поработаю, а потом к мужу вернусь? Может, он одумается и прекратит свои шашни с Ларисой. Она-то ему рубашки стирать и гладить не будет.

Я еще немного поразмышляла над своим положением брошенной жены и иждивенки на шее чужих людей в чужом доме, и решила составить список того, что мне необходимо купить в первую очередь.

В сумке у меня лежала ручка, а вот листочка не было. На всякий случай я заглянула в верхний выдвижной ящик своего письменного стола, и воскликнула:

– Bay!

Там лежал новый толстенький блокнот-ежедневник, пачка белых стикеров и отдельная упаковка цветных стикеров с липкой задней стороной, несколько простых карандашей, зеленый и красный маркеры-выделители, шариковые ручки, скотч, точилка, кнопки и скрепки, ножницы... Настоящий канцелярский клондайк.

Я даже не ожидала, что находка этих мелочей так поднимет мне настроение, словно я клад нашла. Положив на стол несколько белых листочков, я начала выводить ручкой свой

список: зубная щетка, паста, нить: трусики – 7 штук, бюстгальтеры – 2, футболки, носки, прокладки, шампунь и бальзам, мочалка...

Список разрастался, и я решила уточнить у Васи, в какой магазин мы поедem. Не думаю, что продукты для такого дома мы станем закупать в гипермаркете для обычных людей. Но я попрошу туда заехать, по моим подсчетам, я уложусь примерно в пять тысяч. Уж что-что, а искать самые дешевые товары, красные ценники и скидки я хорошо умею... Жизнь с Ромашкой научила жестко экономить. Я ведь даже протертые на пятках носки не выкидывала, а штопала, делая на месте дырки сеточку из ниток. Но это с моими носочками, Рома носил хорошие. Он не хотел ходить на работу в штопаных. Вдруг где-то разуться придется.

Осталось решить вопрос с формой.

Дверь в мою комнату была открыта, и я слышала легкие шаги Мэй. Она стукнула костяшками пальцев по дверному косяку, привлекая мое внимание, и вошла. В руке она держала три вешалки: два черных платья и одно серое. Строгий покрой до колен, рукав до локтя, белый воротничок... На второй ладони горничной лежала стопка фартуков и ее планшет.

Мэй сложила одежду на кровать, с осуждением глянув на брошенный пуховик, и вывела стилусом на экране планшета: «Мерь». После этого она взяла мой пуховик с шапочкой и вынесла в наш коридорчик. Я начала стягивать водолазку и

легинсы – свой единственный наряд.

Черные платья были моего, сорок четвертого размера, а вот серое слегка широковато в талии. Но к нему шел поясок, так что выглядела я в рабочей одежде хорошо.

Фартуки явно предназначались для работы на кухне. Они надежно закрывали платье, чтобы его не забрызгало шкворчащим маслом или еще чем, и навевали веселые мысли. Дело в том, что на них были нарисованы веселые зверята. На одном, пушистая зайчиха в переднике резала морковь и закидывала ее в кипящую на плите кастрюлю, на втором белочка выковыривала орешки из большой кедровой шишки и складывала их в мешочки, а на третьем важный еж нанизывал грибы на нитку с толстой иглой и подвешивал эти гирлянды на стену в своем домике... Это было так мило.

Мэй заглянула и вопросительно приподняла бровь: «Пошло?»

– Все хорошо, – кивнула я, – спасибо тебе.

Филиппинка махнула мне рукой, приглашая за собой. В нашей прихожей она указала на вешалку, где теперь висел мой пуховик и зимняя кожаная курточка с капюшоном, потом ткнула пальцем на полку с шапками и в конце перевела пальчик на подставку для обуви, где теперь стояли мои сапоги. В конце этой демонстрации она указала на себя и меня, а потом хлопнула ладошкой по двери в сад.

Все было понятно: прислуга пользуется этой дверью для выхода на улицу, а не центральной, хозяйской. Это наша

прихожая и мне нужно соблюдать порядок, чтобы Мэй не приходилось подбирать за мной разбросанные вещи.

Я проговорила все это вслух, и горничная довольно кивнула. Наше общение мне напомнило один мультфильм про роботов, где главный персонаж мог произносить только имя... И при этом они с подругой прекрасно понимали друг друга.

Я вытаращила глаза, растопырила пальцы на руках и глупым писклявым голосом громко произнесла:

– Валли. Мэй. Лада.

Филиппинка поняла шутку, беззвучно захохотала, прижимая ладошки к груди и, схватив меня за руку, потащила за собой на кухню.

Глава 9

Перед отъездом в магазин мне нужно было разобрать свою сумку. Уже сутки катаю ее.

Я доставала банки и выставляла их на стол. Мэй придиристо оглядывала содержимое, а потом выбежала и вернулась со своим планшетом. На белом экране красовалась надпись серыми магнитными буквами: «Настойка из мухоморов есть?»

– И ты туда же? – всплеснула я руками. – Это у вас местная шутка такая?

Мэй довольно закивала, залезла в угловой шкаф и вытащила оттуда две бутылки из-под водки с буро-красноватой жидкостью...

– Настойка из мухоморов?! – ошарашенно спросила я.

Горничная гордо кивнула и два раза растопырила все пальцы на обеих руках.

– Двадцать бутылок, – догадалась я.

Что же тут происходит? Я думала, это прикол такой, а тут... Я решала уточнить:

– А зачем вам столько?

Мэй цыкнула зубом, точь-в-точь как это делал Вася и махнула рукой в сторону. Стало ясно, что ответ надо требовать у садовника. На пальцах Мэй объяснить не сможет, а писать придется много.

Мы закончили ставить банки на нижнюю полку холодильника, когда раздался голос Василия:

– Девчонки, погнали хозяйские бабки тратить.

Мэй рванула в свою комнату, и я услышала, как захлопали дверцы шкафа. Значит, она поедет с нами. Вася прошел на кухню и одобрительно оглядел меня:

– Ага, подошел костюмчик. Так поедешь?

Не отвечая, я тоже рванула к себе, менять черное форменное платье на легинсы с водолазкой. Сам Вася был в джинсах и серой фирменной толстовке. В руке он держал дутую зимнюю кожаную куртку с капюшоном, подбитым пушистым черным мехом.

Да уж. В этом доме даже прислуга одевалась шикарней меня. Мой пуховик, купленный по дешевке на распродаже, наводил на грустные мысли. Вместо того чтобы быть За мужем, я была ЗАмужем... Рома жил хорошей жизнью, на полном обслуживании. А я была нищей прислугой, которая работала за еду.

Как же я проморгала этот момент? Даже не момент, а целый период жизни длинной в несколько лет, когда из любимой девушки и феюшки домашнего очага превратилась исключительно в прислугу.

Сначала же все было хорошо. Рома приходил домой, и я встречала его на пороге. Мы обнимались и целовались. Я чувствовала, что он скучал по мне, и стремился поскорее попасть домой. А однажды он сказал, что у них реорганизация

в компании, и мне надо экономней расходовать бюджет, но это временная трудность. А пока, я не должна покупать вещи, которые не являются самыми необходимыми. Вот только необходимые вещи именно у него и для него. У меня это были только средства гигиены. На работу же я не хожу, а значит, и новая одежда мне не нужна. И маникюр, и новые причёски, и красивая обувь на каблуках. Мне ничего не было нужно. Я же хорошая жена, которая во всем поддерживала своего мужа.

Как же я не заметила своего перехода из феи в прислугу? Действительно, любовь настолько зла, что я перестала видеть реальный мир, центром которого был Рома?

Я смотрела на маленькую немую Мэй, на уверенного в себе садовника с явно уголовным прошлым, которые в этом доме чувствовали себя спокойно и уверенно, и помаленьку осознавала, что я дура... А Вася, вероятно, прав: «На хуй мужа!»

А если Рома все же оступился. Ну, приелась ему жена-домохозяйка, вот он и загулял. А если я тут немного заработаю, приоденусь... И встречу с Ромой. Он поймет, что был не прав, повинится. Я его прощу, но поставлю ультиматум: если хочет, чтобы я сидела дома, то должен выделять мне достаточно денег. И уговорить начальство уволить Лариску, чтобы духу ее возле моего мужа не было.

Придя к такому умозаключению, я решила попозже заблокировать Ромкин номер. Только чтобы Вася не видел.

В машине я сидела на пассажирском сиденье рядом с Васей. Мэй разместилась на заднем и играла в игрушку в своем телефоне.

Садовник рассказывал:

– Раньше на месте поселка лес был, и мухоморов там дофига росло. Все деревни с округи за ними сюда ходили, и сами настойки делали. Какие-то это дофига целебные мухоморы были, не как в других местах. А потом тут территорию оградили и дома понастроили. Местные кипишнули сперва, а потом переговорщика послали: типа, если грибы будут, то вы их нам продайте... А у нас газоны положили, дороги закатали. Хер вам, а не грибочки. Но природа, мать наша, не облажалась – проросли мухоморы. Короче, наши, кто в обслуге, не растерялись. Спиртягу добыли стали сами настоечку делать. Теперь продаем по два косяра за поллитру. Местные берут, многие из Москвы едут. Да и сами олигархи, кто суставами мучаются, не брезгают. Уже заценили качество.

– Теперь понятно, – проговорила я, – а я думала, что тут все надо мной прикалываются. И на КПП, и ты, и Мэй, пока она бутылки не показала. А зачем вам это? Платят мало?

– Хорошо платят, – цыкнул зубом Вася, – а чего добру пропадать. С нас не убудет, наоборот, копеечка. А всем полезным радость. Они же думали, что грибное место потеряли. Делать настойку из мухоморов – это уже местная тради-

ция. Потом и тебя научим, если не свинтишь.

– Не свинчу, – проговорила я, вспомнив свои недавние размышления. – А в какой магазин мы поедем?

– У нас несколько точек, – ответил садовник, – мясо мы в одном фермерском берем, молочку там же. У нас с торгашами давняя договоренность. Там чистый продукт, без химозы всякой. Макар, ради интереса, даже знакомым спецам на проверку возил. Экофермы, короче. А остальное в гипермаркете закупаем. Какая разница, где средства для стирки и туалетку покупать. Главное – дешевку не брать. Из домашнего: постельное и одежду – тоже в отдельных магазинах, фигу на теле Макар не терпит. Хотя...

Вася замолчал и растянул губы в ехидной улыбке. Шли секунды, а он ничего не говорил. Прямо театральная пауза получилась.

– Что «хотя»? – не выдержала я.

Василий цыкнул зубом и ответил:

– Рано тебе про такое знать. Это корпоративная тайна. Вот если приработаешься, то узнаешь. И ты не проболтайся, – глянув в зеркало заднего вида, сказал садовник.

Мэй сделала несколько коротких жестов, отвечая ему и снова уткнулась в телефон. Мне стало любопытно, и я спросила:

– Что она ответила?

– Сказала, что будет нема, как рыба! – захохотал Вася.

Юмористы, блин. Мне тоже стало смешно. Эти двое от-

лично ладили, сразу видно – сработанная команда, и секрет босса про одежду они не выдадут. А еще, мне захотелось быть с ними. С виду простые, и в то же время надежные.

Я раздумывала, что это за «хотя». А если Макар Андреевич любит дома голым ходить? Или в женских платьях... Ну и мысли мне лезут.

Еще и сутки не прошли, как я уехала из Конаково, а в моей жизни произошло столько событий, что хоть кино снимай. Словно страшные события вчерашнего вечера произошли несколько дней назад... Мысли и вопросы в голове скакали, как бешеные зайцы, но я понимала, что излишнее любопытство и назойливость мои новые знакомые могут неправильно понять и не захотят со мной дружить.

Но важный рабочий вопрос я все же решила уточнить:

– Вась, а что Макар Андреевич есть любит? Я так-то многое готовить умею, но мало ли. Может, у него аллергия на какие-то продукты.

Садовник цыкнул зубом и начал перечислять:

– Нашу кухню любит, еще итальянскую и французскую. И азиатскую... Ты роллы крутить умеешь?

– Нет, – помотала я головой, – но научусь.

– Мэй научит. Она только азиатские блюда хорошо и готовит. А вот сколько раз ни пыталась борщ сварить, все корейское кимчи с помидорами получается. У нас предыдущая повариха замуж ушла неделю назад, Мэй к плите встала... Хочется уже нашей еды поесть... Макар-то по делам укатил,

в ресторанах хавают. Кстати, ты и для нас будешь готовить.

– Я уже поняла. Сегодня котлеты с пюрешкой и капустным салатом с зеленью сделаю, а на первое солянку мясную сборную сварю.

При этих словах Вася довольно улыбнулся и сказал:

– Офигенно! А теперь приготовься к первому испытанию. Но не ссы. Я рядом.

– А что случилось? – недоуменно спросила я, оглядываясь по сторонам.

– Ты сейчас к Кондрату пойдешь.

Глава 10

– К какому Кондрату? – не поняла я.

– К мяснику, – ухмыльнулся садовник, – а он парень таковой. Специфический, как говорят умные люди.

Вася припарковался у магазина с большими панорамными окнами. На вывеске большими красными пузатыми буквами было выведено единственное слово «Мясо», а рядом красовались изображения окорока, стейков и толстенной куриной тушки.

– Тебе к прилавку, над которым расчерченная корова нарисована, – сказал Вася, – вот список и карта для расходов.

Он протянул мне листочек и зеленую пластиковую карточку. Я все взяла и растерянно посмотрела на своих спутников:

– А мне ему что-то нужно сказать?

– Да, – серьезно кивнул Василий, – абракадабра.

Я перевела взгляд на Мэй, пытаюсь понять, шутит садовник или нет. Горничная смотрела на меня серьезными глазами, без всякого намека на смех.

Я вздохнула и вылезла из машины. После мухоморной настойки я не знала, где у них правда, а где приколы. На новом рабочем месте всякого можно ожидать.

Я вошла в магазин и огляделась по сторонам. Четыре ряда прилавков с холодными витринами образовывали два широ-

ких коридора, по которым расхаживали немногочисленные покупатели. Люди подходили к продавцам, что-то спрашивали, тыкали пальцами в выставленные на витрине куски филе, поддоны с фаршем всех сортов и прочие мясные товары.

Я начала осматривать стены поверх прилавков, и вскоре мой взгляд уперся в нарисованную черную корову, тело которой было разделено на части, каждая из них была подписана: грудинка, вырезка, тонкий край, задний отруб...

Направляясь в нужном направлении, я гадала, как может выглядеть мясник по имени Кондрат? Мне представлялся здоровенный мужик с густой бородой, стриженной под «лопату», косматыми волосами, торчащими во все стороны, и обязательно с окровавленным топором. Даже как-то не по себе стало.

Осторожно приближаясь к нужным витринам, я прикидывала, когда нужно сказать волшебное слово, чтобы продавец понял, что я особый покупатель. За прилавком никого не было... Я трижды стукнула по столу и негромко сказала:

– Абракадабра.

Над прилавком показалась совершенно лысая макушка, а потом продавец встал во весь рост. Почти двухметровый! Про таких говорят: «Дяденька, достань воробушка». Он удивленно посмотрел на меня сверху вниз и тихо произнес:

– Сим-сим откройся.

– Чего? – не поняла я.

– Ну, мы же в волшебные заклинания играем? – уточнил «каланча» Кондрат.

– Нет, я за мясом, – ответила я, – вот, мой список.

Я протянула ему листочек. Он прочитал список и буркнул:

– Ага...

Кондрат начал хлопать дверцами холодильника, доставая нужные мне покупки, а я оглянулась по сторонам. За стекленным окном стояли Вася с Мэй, тыкали в меня пальцами и ржали. Опять подкололи...

Когда мясник начал складывать передо мной первые свертки, мои спутники вошли в магазин. Мэй приветственно помахала ладошкой, а Вася поздоровался с продавцом за руку:

– Привет, Кондрат. Знакомься, это наша повариха новая. Ладой зовут.

Мясник расплылся в улыбке:

– Тогда понятно. А то сижу, дебет с кредитом в тетрадке свожу, а мне сверху: «Абракадабра»...

Им всем было весело, а я разозлилась:

– Хватит уже надо мной прикалываться. Чего вы меня дурочкой перед незнакомыми людьмиставляете?

Кондрат бухнул на прилавок две бараньих ноги и примирительно сказал:

– Не ругайся, красавица. Зато я теперь тебя точно запомню. Особых клиентов надо знать в лицо.

— А чем обычные от особых отличаются? — заинтересовалась я. — Простым людям несвежее мясо продаете?

— Обижаешь, — гордо поднял подбородок Кондрат и стал еще выше, — но особым мы и доставку можем организовать, и подсказать, какой ресторан начал по дешевке замороженное мясо скупать и за охлажденное выдавать...

Домой мы попали только через три часа. Обеденное время мы давно пропустили, а есть хотелось, вот мы и зарулили на обратном пути в кафешку. Василий нас любезно угостил, еще и галантно ухаживал. Даже не матерился за столом.

В фермерском магазине Вася провел меня по всем знаковым продавцам, показал у кого что лучшее, а к каким прилавкам даже приближаться не стоит...

Потом мы поехали в гипермаркет. Там тоже закупались по двум спискам: первый составила Мэй — для хозяйственно-бытовых нужд, а второй мой.

Шиковать я не стала, но накупила всего нужного на три пакета. Уложились в семь с хвостиком тысяч. Раньше я столько на себя не тратила. Даже мой пуховик стоил всего четыре... Рома мне тогда сказал: «Ты зиму в старом доходи, а новый в марте купишь, когда на зимнюю одежду большие скидки пойдут». Я тогда так и сделала.

Вася сказал, чтобы я все чеки складывала в отдельное место. Теперь мне предстояло учитывать все расходы и подсчитывать копеечки... Но это моя работа, за которую я буду по-

лучать аж семьдесят тысяч! И это притом, что жить и кушать я буду тут же.

Рома мне говорил, что у него зарплата всего пятьдесят тысяч... Теперь я думаю, что он мне врал. Обедать они на работе ходили в рестораны на бизнес-ланчи, одевался мой муж не на вещевом рынке, на южной окраине Москвы... В дороге Вася мне предложил зайти на рабочие сайты и посмотреть, сколько получают менеджеры среднего звена. Оказалось, что не меньше сотни. Рома жестко на мне сэкономил. У меня даже закралось сомнение, что раз в два месяца он ездил не в командировки, а в какие-нибудь дома отдыха с Лариской. Тем более что эти поездки у него начались тогда же, когда она пришла к ним в фирму работать.

Вася загнал машину в гараж и сказал:

– Вы берите легкие пакеты, а я тяжелые прихвачу. Только ворота закрою.

Я оглядела гараж. Рядом с рабочей машиной стоял большой хищный джип. Я в марках машин не разбираюсь, но своим видом этот автомобиль напоминал помесь льва и носорога, только черный. А широкая решетка радиатора сердито скалила блестящие серебряные зубы. Огромный опасный хищник.

– А это хозяйская? – спросила я.

– Да, – кивнул Вася, – Макар в аэропорт на такси поехал. Не любит он надолго тачку в общественных местах бросать. В дом мы с Мэй вошли через свою дверь, а Вася только

поставил на пол пакеты и направился в деревянный дом, на дальнем конце участка.

– А он куда? – не поняла я.

Мэй сложила ладошки домиком над головой, а потом показала пальцем на сруб.

– Вася там живет? – уточнила я.

Горничная кивнула, подхватила первую пару пакетов с продуктами и потащила их на кухню. Я быстро сняла обувь, верхнюю одежду забросила личные покупки к себе в комнату и присоединилась к Мэй.

Неожиданно из гостиной донесся женский голос:

– Ну, блин. Я свое любимое шоу пропустила.

Мы с Мэй переглянулись и осторожно двинулись на звук. У дивана с кожаной обивкой стояла высокая девушка в короткой черной юбке, высоких сапогах-ботфортах на каблук-ах и белоснежной кофточке из ангорки, которая не прикрывала пупок с пирсингом. Она щелкала пультом от плазмы и возмущалась:

– Надо было более ранний рейс брать.

Ее каштановые волосы, стриженные под удлиненное скошенное каре, блестели в свете включенной люстры, а нога в сапоге возмущенно притопывала носком по полу. Нас она не видела.

Я обернулась к Мэй и спросила:

– Кто это?

Горничная презрительно сморщила носик, капризно изо-

гнула губы, уперла руки в бока и беззвучно изобразила: «Бе-бе-бе». Явно пародируя вредного человека.

В этот момент модель-красотка обернулась и недоуменно протянула:

– А ты, что за лохудра? Очередная Макаркина подстилка?

Глава 11

– Нет, – пролепетала я, – новый повар. Только сегодня приехала.

– А-а-а, – фыркнула красавица и отвернулась, – обслуга. Кофе мне сварю.

Больше она на меня внимания не обращала.

Сверху раздался глубокий бархатный мужской голос:

– Алина, ты с кем там болтаешь?

– Обслуга явилась, – громко сказала девушка, – фиг знает где шлялись.

При этих словах Мэй мышкой прыснула в наш закуток, быстро обулась и припустила к домику Васи. Через полминуты они вернулись уже вдвоем.

– Сиди на кухне, – сказал мне садовник, – потом на собеседование пойдешь. А пока не высовывайся.

Он пошел наверх, видимо, в кабинет босса, а я отправилась разбирать покупки и раскладывать продукты в холодильник.

Василия не было минут десять. За это время Мэй сделала кофе для Алины, попутно показывая мне, как пользоваться капсульной кофемашиной. Дома я пила только растворимый... Сколько же мне еще предстоит выучить, чтобы хозяйка не устроили мне нагоняй.

Я отнесла чашку в гостиную, поставила ее на журнальный

столик, на блюдечке, и молча ретировалась.

Тут я вспомнила, что семьи у Макара Андреевича нет.

Вася так и сказал: «Погибли». А кто тогда эта модель Али-на? Любовница, содержанка, эскортница? Или вообще невеста.

Я задала этот вопрос Мэй. Горничная пожала плечами, а потом сделала жест «Ну, такое...» Растопырила пальцы на руке и неопределенно покрутила пятерней в воздухе.

Стало ясно, что ничего не ясно. Но шатенка вела себя в доме по-хозяйски, а значит, бывает тут часто и имеет определенный статус. И скверный характер.

Когда Вася зашел на кухню, переговорив с боссом, то сказал мне:

– Быстро переодеться в униформу и иди в кабинет. Первая дверь от лестницы, она открыта.

– А Макар Андреевич злой? – с тревогой поинтересовалась я. Мне было немного страшно.

Это первое мое собеседование, а нас даже дома не было, чтобы встретить шефа после поездки. Фиговая прислуга.

– Нормальный, – неясно ответил Вася.

Да что же за люди такие? Босс нормальный, девица «Ну, такое...». Хоть бы раз на вопрос четко ответили. Только и делают, что нагнетают обстановку.

Я метнулась в комнату, быстро натянула одно из черных платьев, надела новенькие туфельки-лодочки с открытым носом, и поспешила в кабинет, надеясь не перепутать двери.

У меня даже экскурсии по дому еще не было!

Дверью я не ошиблась. Постучалась в дверной косяк и робко произнесла:

– Можно?

За большим письменным столом сидел широкоплечий мужчина, на вид чуть старше тридцати лет. Темно-русые волосы зачесаны назад, а борода и усы такого же оттенка придавали ему суровый вид. Между бровями залегли две вертикальные складки. Он что-то смотрел на экране своего компьютера, щелкал мышкой, а в мою сторону даже не оглянулся. Только густой бархатный голос с небольшой хрипотцой произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.